

17 СЕН 1981

4 = ЛЕСНАЯ промышленность

Сергей ЮРСКИЙ:

«ПЕРЕЖИВАТЬ ЧУЖОЕ, КАК СВОЕ»

Много лет назад ленинградский режиссер Георгий Товстоногов поставил пьесу А. С. Грибоедова «Горе от ума». Ее главный герой неожиданно превратился на сцене в нашего современника — умного, доброго, интеллигентного юношу, обращавшего свои монологи прямо в зрительный зал. Не в прошлом веке искал он сочувствия и понимания, а у нас!

Спектакль был, что называется, «взрывной». Вызвал восторги и осуждение.

Но время все расставило по местам. Критические статьи забылись, а Чацкий в исполнении совсем молодого тогда Сергея Юрского остался в театральной летописи. Как и твердо вошедшее в сознание зрителя понятие, что встреча с классикой может таить и неожиданности, и открытия, и ту новизну чувств, которые так пленяют нас в искусстве.

В начале года я смотрела в Театре имени Моссовета широко известную пьесу А. Н. Островского «Правда хорошо, а счастье — лучше». В постановке заслуженного артиста РСФСР Сергея Юрского классика засверкала фейерверком красок в стремительном, исполненном высокого артистизма мюзикле.

— Юрский — редчайший мастер филигранной отделки формы, — сказал о нем народный артист СССР Михаил Ульянов. — Но главное в нем — пытливая, острая, аналитическая мысль.

В самом деле. Вы смеетесь над героем мопассановского рассказа «Награжден», который Юрский много лет читает на эстраде, воочию видите все превращения, происходящие с этим недалеким, упоенным мечтой об ордене человеком, и вдруг с тоской чувствуете, как страшна обывательская огра-

ничность, как превращает она жизнь в пошлый фарс.

Юрский не только играет в театре, кино, на телевидении, не только ставит спектакли, но и выступает с концертами, давая новую жизнь поэзии Пушкина, Блока, Есенина, Пастернака, прозе Гоголя, Булгакова, Бабеля, Зощенко.

Недавно я была на его встрече со зрителями, проходившей в Московском Доме ученых. Его попросили что-нибудь прочесть, и он стал читать рассказ о незадачливом работнике парка культуры. Зрители смеялись неудержимо, но в глубине смеха таились слезы и мысли столь серьезные, что их предстояло еще додумывать. А сейчас аплодисменты означали не только признательность Юрскому за его высокое мастерство, но и за то, что он открыл нового, никому еще не ведомого и явно незаурядного сатирика.

— Да, — подтвердил мне потом Юрский, — запомните его фамилию — Городицкий. Он просто по почте прислал мне свои рассказы, и я понял: это талант... Таланту надо помогать.

По заказу Всероссийского театрального общества Юрский сейчас пишет работу о старейшей актрисе советского театра Фанне Раневской; закончена одна повесть, и рвется на бумагу другая. Но главная его любовь все-таки театр.

— Я не хочу сказать, что театр выше жизни, — говорит Юрский. — Я хочу сказать, что в театре чаще, чем в жизни, человек может переживать чужое, как свое, как совсем личное. А это высшая мера человечности в человеке.

Тамара ВЕРИНА.
(«Московские новости» — АПН).

218